

© 1996 г. А.Н. БАРАНОВ, Д.О. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ИДИОМАТИЧНОСТЬ И ИДИОМЫ*

0. СУЩНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

Сфера идиоматики в разных теоретических концепциях задается по-разному. Тем не менее, можно выделить общую часть большинства определений идиомы, которая сводится к трем идеям: *неоднословность*, *устойчивость* и *идиоматичность* [Гак 1977; Burger et al. 1982; Fleischer 1982]. Поскольку вряд ли можно утверждать, что имеющиеся определения хорошо "работают" на всем множестве идиом, естественно задаться вопросом о том, что представляют собой входящие в определения категории. Однословность–неоднословность можно считать единственным относительно ясным и операциональным понятием, хотя и здесь возникают проблемы, связанные с наличием–отсутствием орфографической традиции, различием слов и словосочетаний, слов и предложений в данном морфологическом типе языка и т.п. Существенно менее определенной оказывается категория устойчивости (ср., например [Мельчук 1960; 1968]), к которой мы еще вернемся в ходе дальнейшего изложения. Однако наибольшие вопросы вызывает понятие идиоматичности. С наивной точки зрения выражения типа *Он говорит идиоматично. Его речь идиоматична*, как правило, не связываются с употреблением идиом. Обычно имеется в виду высокий уровень владения языком: говорящий не просто способен правильно выражать свои мысли, но и передавать их нетривиальным способом, используя не только конвенциональные, но и творческие метафоры, не вполне стандартные сочетания означающих и т.п. Идиоматичная речь требует знания таких правил речевого поведения, которые могут оказаться уникальными, применимыми только в данном типе ситуации общения. Иными словами, идиоматичность в общем случае означает осложненность способа выражения содержания – осложненность не в смысле максимального усложнения языковых форм как таковых, а "концентрированности" выражения и сложности понимания. Так, косвенный речевой акт более идиоматичен, чем прямой, ср. *Закрой окно!* vs. *Что-то стало прохладно!* В случае использования косвенного речевого акта адресат должен предпринять дополнительные операции для "вычисления" смысла речевого высказывания по сравнению с "прямым" речевым актом.

Идиоматичным будет также такой текст, который содержит значительную имплицитную информацию – пресуппозиции, следствия, имплицитурь дискурса и т.п. Существенно усиливает идиоматичность в наивном понимании и наличие языковой игры. Иными словами, чем больше слоев в плане содержания текста, тем более он идиоматичен.

Несколько иное понимание идиоматичности представлено в [Апресян 1995], где идиоматичность связывается с выполнением сложившихся в данном языке норм "синтаксической, семантической и лексической сочетаемости" [Апресян 1995: 11]. Заметим, однако, что в этом случае происходит существенное расширение категории идиоматичности и ее практическое отождествление с категорией нормы. Среди названных Апресяном факторов к идиоматичности в нашем понимании относится только выпол-

* Первый вариант статьи был прочитан В.Г. Гаком и И.М. Кобозевой, которым авторы выражают искреннюю благодарность.

нение "трудно мотивируемых норм", в частности, следование правилам лексической сочетаемости, не выходящим из толкования, т.е. не мотивируемым семантически.

Понятно, что использование идиом оказывается лишь одним из проявлений идиоматичности. Идиоматичность, будучи более общей категорией [см., например [Makkaï 1978]], лежащей в основе определения идиомы, требует специального рассмотрения. Заметим, что совпадение корней в терминах "идиома" и "идиоматичность" является чисто случайным, внешним фактором и никоим образом не создает порочного круга. В принципе вместо термина "идиома" можно использовать словосочетание "фразеологизм в узком смысле".

1. КАТЕГОРИЯ ИДИОМАТИЧНОСТИ И ЕЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Различных определений идиоматичности довольно много, и вряд ли имеет смысл их последовательно перечислять. Мы можем, однако, утверждать, что все они сводятся к двум базовым идеям – переинтерпретации и непрозрачности. Дадим им свои определения.

(i) Переинтерпретация значения 'А' выражения А как значения 'В' является операцией, приводящей к трансформации 'А' в 'В' по принципу R.

(ii) Непрозрачность знака А является свойством А, препятствующим "вычислению" значения 'А' из-за отсутствия продуктивного правила, позволяющего выявить 'А' или из-за отсутствия одного или нескольких компонентов А в словаре.

Таким образом, выражение *пускать козла в огород* идиоматично по основанию (i) – принципом R в данном случае оказывается механизм метафоризации, а выражение *ничтоже сумняшеся* – по основанию (ii)¹.

Свойство непрозрачности прямо связано со знаниями адресата – как индивидуальными, так и общими для языкового социума. Только второй тип знаний существенен для дальнейших рассуждений². Непрозрачность, как следует из определения, может быть обусловлена двумя совершенно различными факторами. С одной стороны, речь идет о том, что невозможно вывести значение целого из значения его составляющих по стандартным правилам семантической сочетаемости, а с другой стороны – об отсутствии в словаре информации о значении одного или нескольких компонентов соответствующего выражения.

Можно сказать, что переинтерпретация – это взгляд на идиоматическое выражение с точки зрения его порождения, а непрозрачность – с точки зрения его понимания. Именно поэтому они в ряде случаев пересекаются (см. 1.2).

Анализ показывает, что введенные определения представлены в языковом материале и в "чистом" виде, и в виде модификаций (в том числе, в комбинациях).

Рассмотрим последовательно виды переинтерпретации и непрозрачности, используя в качестве примеров русские идиомы. Следует иметь в виду, что в принципе рассматриваемые здесь составляющие идиоматичности применимы не только к идиомам, но и к собственно словам.

1.1. Начнем с категории переинтерпретации.

1.1.1. Переинтерпретация в точном смысле ($A \text{ \& 'A' \& "A" } \rightarrow A \text{ \& 'B' \& "B" }$).

Имеется в виду, что выражение А со значением 'А' и экстенционалом (соответствующей ему ситуацией) "А" переинтерпретируется таким образом, что получает

¹ На самом деле ситуация несколько более сложна: выражения, которым свойственна переинтерпретация, могут обладать и определенной долей непрозрачности (см. ниже).

² Термин "непрозрачность" в ином значении используется в логической семантике в связи с невозможностью определения истинного значения некоторых пропозициональных компонентов высказывания [Quine 1976]. Аналогия с используемым здесь употреблением несомненно есть, однако в нашем случае бессмысленно говорить об истинном значении. Аналогия скорее касается невозможности выявления каких-то семантических свойств компонентов языкового выражения.

значение 'В', соотносящееся с ситуацией "В"³. Типичный случай переинтерпретации такого рода – идиома *театр абсурда* 'ситуация, в которой, с точки зрения говорящего, нарушаются базовые принципы естественной логики'. Эта идиома возникла в результате переосмысления терминологического словосочетания *театр абсурда*, относящегося к сфере драматургии. К классу собственно переинтерпретаций относятся также идиомы *под дулом автомата*, *верхушка айсберга*, *открыты Америки*, *окончен бал*, *банка с пауками*, *перевернуть вверх дном*, *вылить ведро помоев*, *охота на ведьм*, *лакумовая бумажка*, *ходить на задних лапках*, *брать быка за рога*. Если говорить о сфере лексики в целом, то к этому типу идиоматичности относится широкий класс употреблений слов в не прямых значениях, в частности метафоры, метонимии и пр.

1.1.2. Интенциональная переинтерпретация ($A \& 'A' \& '\emptyset' \rightarrow A \& 'B' \& 'B'$). В отличие от предшествующего случая, при интенциональной переинтерпретации экстенционал исходного выражения отсутствует. Примером такого рода является идиома *буря в стакане воды* 'ситуация, в которой одно или несколько лиц выражают недовольство чем-либо значимым с их точки зрения; последнее оценивается говорящим с позиций более общего взгляда на мир как малозначимое'. Экстенционал выражения *буря в стакане воды* в буквальном прочтении отсутствует, поскольку слово *буря* в прямом значении не сочетается с именами малых объемов и пространств. К этому классу переинтерпретаций относятся также выражения типа *адская машина* (в значении 'бомба'), *глаз-алмаз*, *показать/увидеть... небо в алмазах*, *ходячий анекдот*, *кроватная баня*, *лезть в бутылку*.

На грани интенциональной переинтерпретации находятся случаи, когда интенционал без знаний этимологии оказывается непрозрачным, ср. *заливать баки*, *отставной козы барабаничик*, *травить баланду*. Во всех этих примерах "буквальное" значение затемнено. Тем самым можно говорить о комбинации переинтерпретации и непрозрачности (см. 1.2) – двух основных аспектов идиоматичности.

В некоторых теориях фразеологии этим и предшествующими классами фактически исчерпывалась категория идиом, ср. [Heller 1980].

1.1.3. Переинтерпретация целого vs. части. Переинтерпретация может относиться не только к целому выражению, но и к его компонентам (одному или нескольким). Первый случай в виде формулы представлен в пунктах 1.1.1 и 1.1.2. Типичный случай переинтерпретации компонента – идиома *раздавить бутылку* в значении 'выпить бутылку спиртного'. Словоформа *бутылку* сохраняет в этой идиоме свое значение (возникшее в результате регулярного метонимического преобразования) и не участвует в процессе переинтерпретации. Иными словами, вряд ли можно сказать, что обсуждаемая идиома возникла как результат переинтерпретации значения словосочетания *раздавить бутылку* в прямом смысле (ср. *В этой жуткой давке мне наступили на сумку и раздавили бутылку*). Более правильно было бы описать это так: $(a_1 \& 'a_1' + \dots + a_k \& 'a_k' + a_n \& 'a_n') \rightarrow A = (a_1 \& 'a_1', \dots, a_k \& 'b', a_n \& 'a_n')$. К этой же группе идиом относятся также выражения *важная птица*, *большая шишка*, *вернемся к нашим баранам*⁴, *дать в лапу*, *по пьяной лавочке*.

1.1.4. Референциальная переинтерпретация ($A \& 'A' \& 'A' \rightarrow A \& 'A' \& 'a_k'$). Под классом референциальных переинтерпретаций понимаются те случаи, когда у языкового выражения происходит сужение референции до уникального референта, ср. *гений всех времен и народов*, *лучший друг советских физкультурников*, *самый*

³ Приводимые в статье схемы, конечно, существенно упрощены. Так, в данной схеме следовало бы указать условия употребления *A* (синтактику), а также разделить *A* на компоненты (каждый со своим исходным значением и условиями употребления). Здесь и далее в схеме указывается лишь те компоненты, которые существуют для обсуждаемого аспекта идиоматичности.

⁴ С синхронной точки зрения эта идиома может рассматриваться как переинтерпретация компонента *баранам*, хотя этимологически – это калька с французской идиомы *revenons à nos moutons*.

человечный человек, матерый человецище. Именно поэтому в схеме для обозначения экстенционала результирующего выражения использована строчная буква **a**. Еще раз обратим внимание на то, что совсем не обязательно считать приведенные словосочетания идиомами. Важно, что им присуща определенная степень идиоматичности.

1.1.5. Переинтерпретация условий употребления ($a_1 \& c_1 + \dots + a_k \& c_k + a_n \& c_n$) $\rightarrow A = (a_1 \& c_1, \dots, a_k \& c_k, a_n \& c_n)$. Схематично этот случай описывается как изменение условий употребления (с) одного из компонентов целого – $a_k (c_k \rightarrow c_q)$, где q не равно k), приводящее к тому, что a_k меняет свою категориальную принадлежность, ср. *быть/держаться вась-вась, надеяться на авось, быть не ах, не ахти какой/как..., быть на ты, без всяких но*. Так, в идиоме *надеяться на авось* междометие *авось* ведет себя как существительное. Компонент *вась-вась* в идиоме *быть/держаться вась-вась* может возводиться к обращению *Вась!* (точнее к множественному обращению), форма которого предполагает социальную близость коммуникантов; в идиоме этот компонент получает статус наречия.

1.1.6. Вторичная переинтерпретация ($A \& 'A' \rightarrow \bar{A}' \& 'B'$)⁵. Этот тип переинтерпретации в большинстве случаев связан с образованием эвфемизмов типа *послать на легком катере/на хутор бабочек ловить/в баню, мать твою за ногу, послать/пойти к такой-то бабушке, пойти/послать к едрене фене*. Понимание и использование этих идиом основано на знании соответствующих обценных выражений. Сущность вторичной переинтерпретации заключается в наличии парадигматической связи между обценной идиомой и ее эвфемизмом: сама обценная идиома есть результат первичной переинтерпретации, а идиома-эвфемизм – результат ее переназывания. Разумеется, в ряде случаев на синхронном уровне некоторые выражения теряют свою связь с исходной обценной идиомой (ср. *накрыться медным тазом*). Такие примеры, естественно, попадут в другие группы.

1.1.7. Псевдоисчерпание ($a_1 \& 'a_1' + \dots + a_n \& 'a_n' \rightarrow A = ((a_1 \& 'a_1', \dots, a_n \& 'a_n') \& 'b_1', \dots, 'b_n')$). Псевдоисчерпание характеризует идиомы типа *ни сват ни брат: ни кола ни двора, ни то ни се: знать не знаю, ведать не ведаю*. Процедура псевдоисчерпания основывается на том, что перечисляются некоторые элементы общего множества Z , которые не исчерпывают его, но интерпретируются как если бы все множество было реально перечислено (в схеме дополнительные элементы множества обозначены рядом $'b_1', \dots, 'b_n'$). Так, в идиоме *ни сват ни брат* актуальное значение 'человек, в отношении которого говорящий не имеет никаких обязательств, затрагивающих личную сферу самого говорящего' не исчерпывается отношениями *быть сватом* и *быть братом*. Аналогично идиома *ни кола ни двора* по крайней мере с синхронной точки зрения не исчерпывает потенциальных объектов владения. В идиоме *знать не знаю, ведать не ведаю* глаголы *знать* и *ведать* также не исчерпывают множество лексически маркируемых "способов знания". В выборе элементов, представляющих множество Z , может участвовать фактор осложнения формы (рифмование, звуковое подобие и т.п. – подробнее см. ниже).

Заключая обсуждение видов переинтерпретации, подчеркнем, что их следствием является комплекс экспрессивных характеристик (образность, эмотивность, стилистическая окрашенность и пр.), обычно связываемых с идиомами. Более того, в традиционной фразеологии экспрессивные характеристики рассматриваются как важнейший критерий включения фразеологизма в класс идиом. В нашем понимании это несомненно вторичный признак.

1.2. Рассмотрим теперь категорию непрозрачности. Хотя во многих случаях непрозрачность и переинтерпретация не исключают друг друга и выступают одновременно (ср. пункты 1.1.2., 1.1.4., 1.1.5., 1.1.6., 1.1.7), при выбранной логике изло-

⁵ $\bar{A}'$ частично совпадает с A по форме.

жения естественно категорию непрозрачности (как и категорию переинтерпретации) рассмотреть отдельно.

В самом общем виде можно различать два основных вида непрозрачности – непрозрачность выводимости и компонентную непрозрачность.

1.2.1. Непрозрачность выводимости ($a_1 \& 'a_1' +...+ a_n \& 'a_n' \rightarrow A = ((a_1, ..., a_n) \& 'A' = F('a_1', ..., 'a_n'))$). Непрозрачность выводимости обычно описывалась в других терминах как неаддитивность сложения смыслов (ср. [Мельчук 1960; 1968], где неаддитивность сложения смыслов приравнивается к идиоматичности). Разумеется, непрозрачность выводимости относится далеко не ко всем случаям неаддитивного сложения смыслов. Дело в том, что формирование семантики большинства языковых выражений требует неаддитивных правил сочетаемости значений слов, составляющих эти выражения (см. [Балли 1955; Щерба 1974; Гак 1972; Апресян 1995]). Тем самым непрозрачность выводимости относится только к нестандартным правилам сочетания значений слов⁶. Отметим, что в большинстве исследований идиоматичность связывается именно с этим типом непрозрачности. При таком подходе выражения типа *не видно ни зги* оказываются неидиоматичными, так как каждому их компоненту могут быть приписаны какие-то значения (ср. [Мельчук 1968 : 54]).

Понятно, что непрозрачность выводимости – типичное следствие переинтерпретации. Весьма часто переинтерпретация осуществляется по уникальным правилам. Так, приводившийся ранее пример на переинтерпретацию *брать быка за рога* может служить примером непрозрачности выводимости, поскольку можно считать, что нет стандартных правил, позволяющих вывести актуальное значение выражения по значениям составляющих. Заметим, что переинтерпретированные выражения далеко не всегда обладают свойством непрозрачности. В целом ряде случаев для "вычисления" актуального значения могут быть привлечены знания об импликатурах дискурса и о типичных метафорических моделях типа ЖИЗНЬ ЕСТЬ ИГРА, СОБЫТИЕ ЕСТЬ ДВИЖЕНИЕ, ЖИЗНЬ ЕСТЬ ПУТЬ и т.п. Теоретический статус правил такого рода требует дополнительного обсуждения, но очевидно, что использование таких знаний не позволяет говорить о непрозрачности выражений типа *пускать козла в огород*.

1.2.2. Компонентная непрозрачность ($A = (a_1, ..., a_k, ..., a_n)$, при том что $a_k \notin D$, где D – словарь данного языка). Суть другого типа непрозрачности – компонентной непрозрачности – заключается в том, что в выражении присутствуют лексические элементы, которые не фиксированы в словаре. Если считать, что компонентная непрозрачность – вид идиоматичности, выражения типа *не видно ни зги* следует считать идиоматичными. Заметим, что с точки зрения компонентной непрозрачности и словосочетания типа *заклятый враг, расквасить нос* идиоматичны (ср. их противоположную интерпретацию Мельчуком [1968]). Другое дело, являются ли эти сочетания идиомами. Ниже мы вернемся к этой проблеме. Предлагаемая в ряде исследований (см. [Weinreich 1966; 1969; Мельчук 1968]) интерпретация идиоматичности только как нестандартности правил сложения смыслов не отвечает естественному пониманию этой категории, поскольку непрозрачные (в одном из пониманий) сочетания слов, которые с естественной точки зрения явно идиоматичны, при таком описании выпадают из этой сферы. В частности, такими единицами оказываются выражения *семо и овамо, ничтоже сумняшеся* (в терминологии Вейнрейха – псевдоидиомы).

Разумеется, за фактом "несловарности" компонента стоят различные причины, определяющие степень непрозрачности. Так, словоформы *лясы* в идиоме *точить*

⁶ В схеме нестандартному правилу сопоставлена функция F от нескольких аргументов – смыслов $'a_1', ..., 'a_n'$. Понятно, что это некоторое огрубление, поскольку правил может быть несколько и в сфере действия функции (области отправления) могут оказаться не все, а лишь некоторые элементы. Для данного изложения это несущественно.

лясы абсолютно непрозрачна, в то время как словоформа *путеводная* в идиоме *путеводная звезда* непрозрачна по основанию нефиксированности в словаре, но выводима благодаря семантической мотивированности (ср. 1.2.1).

Заключая обсуждение категории идиоматичности, подчеркнем, что идиоматичность нельзя рассматривать как достаточное условие отнесения к классу идиом. Как показывают приведенные выше примеры, область идиоматичности оказывается существенно шире. Кроме того, важно иметь в виду, что выделенные нами аспекты *идиоматичности* – *переинтерпретация* и *непрозрачность* – в большинстве случаев тесно взаимодействуют друг с другом. Фактически – это две стороны одной медали. Именно поэтому определение идиоматичности естественно строить, исходя из этих двух базовых категорий.

2. УСТОЙЧИВОСТЬ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

2.1. Рассмотренные здесь проявления идиоматичности, как уже говорилось, далеко не во всех случаях приводят к образованию идиомы. Важнейшим условием для включения выражения в класс идиом является (помимо его идиоматичности) *устойчивость*. В устойчивости выделяется структурный аспект и аспект узуальный (социальный – по В.Г. Гаку [1977]). Первый характеризует выражение с точки зрения внутреннего устройства языкового выражения (ограничения на трансформируемость, дефектность парадигмы и пр.). Узуальный аспект относится к восприятию выражения языковым сообществом – к ощущению частой повторяемости выражения в речи разных носителей языка.

В литературе имеются попытки формального определения устойчивости. Так, И.А. Мельчук связывает устойчивость с предсказуемостью/прогнозируемостью появления одного компонента словосочетания относительно другого: "Другой ... признак несводных сочетаний – это их *устойчивость*, понимаемая здесь как ограниченная сочетаемость означающих, т.е., как достаточно высокая условная вероятность В при наличии А: А сильно предсказывает (прогнозирует) В. Другими словами, сочетание А + В *полностью устойчиво*, если любое сочетание А + Х; где Х ≠ В, невозможно в данном языке" [Мельчук 1968: 54]. При таком понимании устойчивыми оказываются только словосочетания с уникальными компонентами, причем только относительно уникального компонента, так выражение *точить лясы* устойчиво по *лясы*, а по словоформе *точить* уже устойчивым в смысле Мельчука не является. Возможно, такая интерпретация устойчивости отвечает (или отвечала) каким-то необходимым принципам построения модели "Смысл ⇔ Текст", однако вряд ли она соответствует естественному пониманию категории устойчивости, так как для любого носителя языка выражения типа *на седьмом небе* и *соль земли* несомненно являются устойчивыми, хотя их компоненты и не предсказывают друг друга.

Мы под устойчивостью понимаем фиксированность в узусе некоторого словосочетания, его узуализацию. С нашей точки зрения, структурный аспект устойчивости не является обязательным. Если узуализация отсутствует, то бессмысленно говорить об устойчивости со структурной или какой-либо другой точки зрения. При этом устойчивость в узуальном смысле может обходиться без структурных аспектов устойчивости, ср. *принимать решение*, *приводить пример* – выражения такого типа (коллокации) структурно ничем не отличаются от свободных словосочетаний, являясь при этом устойчивыми выражениями, которые не могут порождаться по продуктивным правилам и должны фиксироваться в словаре. С другой стороны, факторы структурной устойчивости – дефектность парадигмы, рифма, ограничения на способность к трансформированию и пр. – в сочетании с узуализацией усиливают ее, выступая либо в качестве одной из причин узуализации, либо в качестве ее следствий.

Степень узуализации, по-видимому, не является постоянной величиной для разных устойчивых выражений и может быть оценена статистически. К сожалению, мы не в состоянии дать математическое выражение фактора устойчивости и в последующем

опираемся только на свою интуицию, подкрепленную словарной традицией (наличием словосочетания в словаре). С точки зрения распределения информации между словарем языка и его грамматикой устойчивые выражения фиксируются в словаре, а не порождаются каждый раз по правилам грамматики. В теории языкознания это характеристика сущностная, а не модельная, поскольку разные модели языка распределяют информацию между словарем и грамматикой по-разному. Так, Ю.Д. Апресян указывает на то, что возможна модель языка, описывающая идиому *вешать нос* как свободное словосочетание. Для этого достаточно приписать компонентам соответствующие значения в словаре, однако с сущностной точки зрения – это безумие⁷ [Апресян 1995: 116].

2.2. Как и идиоматичность, устойчивость можно представить в виде отдельных параметров. Рассмотрим сначала факторы, которые естественно интерпретировать как следствия фиксации словосочетания в узусе. Самым общим следствием такого рода является словарная фиксация словосочетания. Есть и более частные следствия, которые мы рассмотрим ниже.

2.2.1. Ограничения на образование вариантов. Реально представлены различные степени вариативности – как по количеству "заменяемых" компонентов, так и по количеству "заменяющих" компонентов. Так, в выражении *висеть на волоске* варьировать может как компонент *висеть* (ср. *держаться на волоске*), так и компонент *волоске* (ср. *висеть/держаться на ниточке*, см. подробнее [Диброва 1979]). С другой стороны, в идиоме *глаза на лоб полезли* может варьироваться только один компонент *глаза*, но количество "заменяющих" слов довольно велико (*брови*, *фары*, *шнифты*, *зенки* и т.п.). Разумеется, есть случаи полного отсутствия вариантов, ср. *собаку съест*.

Следует подчеркнуть, что абсолютную фиксированность компонентного состава идиомы нельзя рассматривать как необходимый критерий отнесения к классу идиом. Однако значительная свобода варьирования элементов заставляет подозревать существование альтернативного описания выражения как свободного словосочетания. Так, вряд ли целесообразно рассматривать сочетание *нести чушь* как идиому, поскольку *нести* вполне допускает многочисленные замены на *пороть*, *говорить*, *писать*, а *чушь* легко заменяется на *ерунду*, *фигню*, *хреновину*, *ахинею*, *галиматью*, *бред*⁸. К вариативности в широком смысле относится также возможность изменения порядка слов в словосочетании (ср. *не ударить в грязь лицом* → *не ударить лицом в грязь* и *раз плюнуть* → **плюнуть раз*; *знать не знаю*, *ведать не ведаю* → **ведать не ведаю*, *знать не знаю*).

2.2.2. Регулярность vs. дефектность парадигмы. Идиомы часто ограничены в своей парадигме. Так, для ряда глагольных идиом характерно отсутствие форм первого лица, ср. *выносить сор из избы* – *?Я выношу сор из избы*⁹. Заметим, что эти ограничения могут ослабляться в специфических контекстах, ср., например, контекст цитации *Он обвиняет меня в том, что я выношу сор из избы*. Для именных идиом и для именных компонентов глагольных идиом типичны запреты на регулярное образование числа, ср. *Физика – его ахиллесова пята* и **Физика и химия – его ахиллесовы пята*; при отнесении идиомы *не ударить в грязь лицом* к нескольким субъектам смысловое согласование по числу невозможно, ср. **Они не ударили лицами в грязь*.

С некоторой точки зрения можно было бы считать, что очень сильные ограничения на образование форм парадигмы – причина устойчивости данного выражения: эко-

⁷ Ср. показательный разбор примера *to rub noses* у Вейнрейха [Weinreich 1966 : 450].

⁸ Ср. однако невозможность **пороть бред*.

⁹ Этот тип дефектности можно объяснить с точки зрения идеи "иллокутивного самоубийства" [Вендлер 1985].

номнее хранить дефектное выражение в памяти целиком, чем каждый раз при его порождении актуализировать все имеющиеся запреты. Однако анализ примеров показывает, что скорее здесь речь идет о следствиях. Так, странно было бы утверждать, что словосочетание *ахиллесова пята* стало устойчивым из-за отсутствия у него множественного числа. Сама семантика исходной ситуации, зафиксированная во внутренней форме, а, следовательно, и в значении, не допускает множественную интерпретацию, то есть отсутствие множественного числа является следствием семантики данного устойчивого выражения.

2.2.3. Наличие vs. отсутствие синтаксической проницаемости. Свободные словосочетания допускают проведение различных синтаксических трансформаций, видоизменяющих их синтаксическую форму или окружение. К числу таких трансформаций относится, например, введение определения к существительному (*читать книгу* → *читать интересную книгу*), введение отрицания в глагольное словосочетание (*строить дом* → *не строить дом*), образование придаточного определительного, относящегося к одному из компонентов словосочетания (*строить дом* → *строить дом, который должен понравиться всем*), образование пассива (*ломать ветку дерева с трудом* → *ветка дерева ломается с трудом*). Многие идиомы оказываются непрозрачными для этих трансформаций, ср. *вешать лапшу на уши* → **вешать лапшу на свои чужие уши*, **вешать длинную лапшу на уши* (введение определения): *не лаптем щи хлебать* → **не лаптем щи хлебать, которые сварил Иван Иванович* (образование придаточного определительного); *навести лыжи* → **не навести лыжи* (введение отрицания); *ломать голову над чем-либо* → **голова ломается над чем-либо* (образование пассива).

Ограничения на синтаксическую проницаемость естественно считать следствиями устойчивости, поскольку фиксированность выражения в узусе может привести к ограничению набора синтаксических трансформаций, "работающих" со свободными словосочетаниями. Если выражение по каким-то причинам уже стало единицей словаря, оно имеет тенденцию вести себя как единое целое, не допускающее поэлементной обработки.

Сравнение синтаксически непроницаемых выражений с выражениями синтаксически проницаемыми ставит ряд вопросов. Словосочетание *катить бочку* допускает большинство из упомянутых трансформаций (ср. *Я на него бочку не качу; Он катит на меня большую бочку; Его отрицательная рецензия на мою диссертацию – это просто бочка, которую он на меня давно катит*). Казалось бы, что оно должно быть менее устойчивым, чем приведенные выше идиомы. С интуитивной точки зрения это, однако, не так: выражения *не лаптем щи хлебать* или *навести лыжи* не воспринимаются как более устойчивые, чем *катить бочку*. Дело в том, что причины устойчивости изучены настолько плохо, что мы не можем с определенностью сказать, что привело к узализации любого из этих выражений. Тем самым мы не можем строго фиксировать силу устойчивости, поскольку нам не ясен сам набор причин узализации.

2.3. Наряду с факторами, являющимися следствиями из устойчивости, можно говорить и о факторах, которые целесообразно рассматривать в качестве ее причин. Повидимому, в рамках лингвистики невозможно с определенностью выявить истинные причины формирования устойчивых оборотов. Чаще всего причины устойчивости носят экстралингвистический характер. Здесь может оказаться важной культурная значимость текста-источника (ср. многочисленные идиомы-библизмы, идиомы, пришедшие в русский язык из "Горя от ума" Грибоедова, "Двенадцати стульев" и "Золотого теленка" Ильфа и Петрова, идиомы из Шекспира в английском языке и из Гете – в немецком); культурно-исторический контекст (ср. наличие большого количества французских заимствований в русской идиоматике); повышение престижности и/или расширение сферы функционирования определенных подязыков, в том числе жаргонов

(ср. широкое использование в постсоветское время языковых выражений из сферы лагерного жаргона). Многие причины узуализации остаются, однако, абсолютно непонятными, ср. новые идиомы *по жизни*, *крыша поехала*.

Доля собственно лингвистических факторов узуализации, по-видимому, крайне мала. Однако несомненно есть и некоторые чисто лингвистические особенности языковых выражений, способствующие узуализации. Сейчас мы можем с уверенностью указать лишь один из них.

2.3.1. Усложненность формы ($A = (a_1, ..., a_n)$), **при том что любые элементы из A могут быть связаны формальным отношением F**. Усложненность формы проявляется в том, что компоненты $a_1, ..., a_n$, из которых состоит выражение A, связаны между собой не только стандартными грамматическими (синтаксическими и семантическими) правилами, но и некоторым дополнительным формальным отношением F. Чаще всего – это рифмование, ср. *глаз-алмаз; куда ни кинь, всюду – клин; наш пострел везде поспел, ни сват ни брат, ни складу ни ладу*. К этому же типу идиоматических образований относится также удвоение корня типа *ревня реветь, на веки вечные, во веки веков, век вековать, ходуном ходить, дурак дураком*. К числу приемов усложнения формы относятся также аллитерации (характерные для германских языков), ассонансы и т.п.

3. СВЯЗАНА ЛИ УСТОЙЧИВОСТЬ С ИДИОМАТИЧНОСТЬЮ?

Из изложенного выше следует, что устойчивость и идиоматичность прямо не связаны друг с другом. Доказательство тому – существование словосочетаний устойчивых, но неидиоматичных и неустойчивых, но идиоматичных. Так, класс коллокаций (словосочетаний типа *ставить вопрос, принимать меры/решения, радость охватила, производить впечатление* и др.) безусловно характеризуется устойчивостью, но говорить об их идиоматичности можно только весьма условно и то только относительно "фразеологически связанного" компонента (ср. выше 1.1.3). С другой стороны, не все идиоматичное устойчиво (ср. пример языковой игры типа *охрометь на один зуб* из [Земская и др. 1983])¹⁰.

Тем не менее внешняя независимость идиоматичности и устойчивости не мешает увидеть в них нечто общее – различные формы проявления нерегулярности. **Категория нерегулярности** относится к области синтеза языковых выражений и может быть определена как **использование при формировании языкового выражения менее общего правила при наличии более общего**. В частном случае менее общее правило оказывается уникальным. С когнитивной точки зрения нерегулярность проявляется в усложненности процесса порождения языкового выражения (привлечения дополнительных когнитивных процедур, наращивания цепочки когнитивных преобразований и пр.) [Баранов, Добровольский 1991; Dobrovol'skij 1995].

Все описанные здесь факторы идиоматичности и устойчивости с очевидностью могут быть рассмотрены в рамках категории нерегулярности¹¹. В свою очередь, нерегулярность в языке выводит нас на принцип экономии, широко обсуждавшийся в лингвистической литературе.

¹⁰ О независимости устойчивости и идиоматичности писал И. Мельчук [1960; 1968], однако поскольку его интерпретация этих категорий существенно отличается от нашей, то за одинаковым по форме выводом скрываются существенно разные концепции.

¹¹ Из сказанного не следует делать вывод, что нерегулярность является единственной причиной устойчивости. Узуализоваться могут и вполне регулярные выражения, ср., например, названия компаний, художественных фильмов, пьес, государств и пр. Особый вопрос, требующий отдельного обсуждения, связь нерегулярности с идиоматичностью. По-видимому, идиоматичность в тех проявлениях, которые здесь описаны, может рассматриваться как частный случай нерегулярности.

Бурные дискуссии начала 60-х годов в прикладной и математической лингвистике о соотношении экономного словаря и эффективной грамматики апеллировали к принципу экономии усилий [Zipf 1949]: правильно то, что реализуемо на ЭВМ, а реализуемо то, что экономно. В работах Мартине и Щербы поднимались аналогичные проблемы, рассматриваемые через призму теоретической лингвистики [Мартине 1960]. Впрочем, граница между теоретическим и прикладным направлениями в языкознании достаточно условна. Однако с точки зрения языковой теории связанная с принципом экономии проблема распределения лингвистической информации между словарем и грамматикой не случайный фантом – порождение компьютерной модели языка, а сущностная категория, реально представленная в языковом сознании. Память человека и его возможности оперирования знаниями далеко не безграничны. Именно поэтому фиксация в словаре единиц типа *пятое колесо в телеге* как четырех отдельных слов со специфическими значениями, реализующимися только в данной идиоме, не просто неэкономно с точки зрения описательных задач, но и вряд ли оптимально для функционирования когнитивной системы человека. Кроме того, установление изоморфизма между смысловыми блоками и отдельными компонентами идиомы часто представляется проблематичным (см. выше "непрозрачность выводимости" 1.2.1).

Таким образом, выделение фразеологической системы в традиционных описаниях имеет вполне понятные причины: оказывается более экономным хранить эти выражения как единые сущности, как единицы лексикона, не порождая их каждый раз заново в процессе коммуникации. Эту мысль можно увидеть у Ш. Балли: "...специальное и произвольное правило требует большего усилия, чем общее и рациональное правило" [Балли 1955: 205]. Отсюда следует, что класс фразеологизмов в целом выделяется по основанию нерегулярности. Какое же место занимают идиомы в обширном классе фразеологизмов? Хотелось бы, чтобы построенная теоретическая модель идиом максимально приближалась к естественному пониманию этой категории, свойственному большинству лингвистов. В основе этого понимания лежит идея центральности класса идиом относительно всего множества фразеологизмов. Иными словами, идиомы наиболее нерегулярны. Поскольку в рамках излагаемой концепции свойство нерегулярности проявляется в идиоматичности и устойчивости, то идиомы по сравнению с другими фразеологизмами должны обладать этими свойствами в большей степени. Тем самым **идиомы могут быть определены как сверхсловные образования, которым свойственна высокая степень идиоматичности и устойчивости.** При таком определении становится очевидным, что четкая граница между идиомами и фразеологизмами других классов (коллокациями, грамматическими фразеологизмами, формулами речевого этикета и пр.) отсутствует, поскольку и другие группы фразеологизмов обязательно обладают устойчивостью и им может быть свойственна определенная идиоматичность (как в смысле непрозрачности, так и в смысле переинтерпретации). Так, фразеологические сочетания *грецкий орех* и *перочинный нож* непрозрачны (в смысле 1.2.2)¹² и устойчивы, аналогично можно сказать, что коллокации типа *одержать победу* устойчивы и непрозрачны по компоненту *одержать*. С другой стороны, коллокации *принимать во внимание*, *дать знать*, *не давать в обиду* содержат переинтерпретированные элементы. Тем не менее, интуитивно эти выражения не хотелось бы относить к идиомам: они более регулярны, чем это соответствует "идеальному" представлению об идиоме.

Устойчивость коллокаций связана в первую очередь с произвольностью выбора

¹² Заметим, что непрозрачность (как, собственно, и идиоматичность) градуальна: есть более и менее прозрачные выражения, или более и менее мотивированные уникальные компоненты, ср. *перочинный нож* (степень мотивации велика и, соответственно, степень непрозрачности мала) и *не видно ни зги* (степень мотивации мала и степень непрозрачности велика).

семантически "опустошенного" элемента. Так, для коллокации *принять решение* трудно объяснить, почему из множества глаголов, имеющих в плане содержания компонент со значением 'инициации некоторого положения дел' – *брать, производить, совершать, делать* и т.п. – выбирается именно *принимать*. Элементарное типологическое сопоставление показывает, что в других языках в аналогичных сочетаниях используются другие глаголы, ср. в англ. *to make a decision*, в нем. *eine Entscheidung treffen* или *einen Beschluß fassen*. В этой произвольности и заключается решающая нерегулярность коллокаций (ср. в связи с этим термин Ш. Балли "произвольное обусловливание" [Балли 1955: 172]). Что касается нерегулярности идиом, то она, как было показано выше, имеет другую природу¹³.

Иными словами, вся проблема заключается в экспликации степени нерегулярности через факторы идиоматичности и устойчивости. Очевидно, что при такой постановке вопроса необходимо, с одной стороны, выделить факторы нерегулярности (что было сделано выше), а с другой – указать нижний порог нерегулярности для идиом.

5. ПОРОГ НЕРЕГУЛЯРНОСТИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ИДИОМЫ

Факторы нерегулярности уже были обсуждены – разумеется, в первом приближении. Обратимся к идее порога нерегулярности. Традиционная фразеология не дает никакого разумного ответа на этот вопрос. Попытка ориентации на одно какое-то свойство идиоматичности не дает желаемых результатов, поскольку ни одно из выделенных свойств идиоматичности не является необходимым и достаточным для всех идиом в целом [Баранов, Добровольский 1991]. Квантитативная стратегия решения этой проблемы, заключавшаяся в фиксации "весов" для каждого фактора нерегулярности, оказалась неудачной, так как не удается предсказать эффект от сочетания нескольких различных факторов – он не равен их простой сумме.

Поскольку идиомы представляют собой весьма неоднородное множество, ни та, ни другая стратегии не работают. Более разумно ориентироваться на конкретные группы идиом, каждая из которых обладает своим набором признаков, определяющих порог нерегулярности (идиоматичности и устойчивости) для данной конкретной группы. Покажем это на примерах.

Одной из таких групп, обладающих яркими индивидуальными признаками, являются идиомы с уникальным компонентом. Очевидно, что наличие уникального компонента само по себе недостаточно для отнесения устойчивого словосочетания к классу идиом (ср. *грецкий орех, заклятый враг, закадычный друг, проливной дождь*, которые вряд ли разумно относить к идиомам), хотя это и является признаком идиоматичности, как это было показано выше. Если сравнить данные словосочетания с идиомами типа *бить баклуши, точить ласы, гол как сокол*, то видно, что главное отличие состоит в переинтерпретированности последних выражений. Таким образом, можно утверждать, что для данной группы идиом, кроме параметра компонентной непрозрачности, необходима переинтерпретация.

Другая относительно гомогенная группа идиом, на примере которой можно проиллюстрировать нашу идею – это устойчивые сравнения. В целом этот класс выражений требует особого обсуждения. Традиционно он весь включался в сферу идиоматики. Между тем ощущается явное интуитивное различие между устойчивыми сравнениями типа *белый как снег*, с одной стороны, и *беречь как зеницу ока* – с другой. Дело в том, что союз *как* эксплицирует важные компоненты процедуры переинтерпретации, что приводит к снижению степени идиоматичности. Это означает, что отнесение к идиомам устойчивых сравнения с союзами типа *как* (*словно, будто, точно*) требует

¹³ Для описания нерегулярности коллокаций, связанной с произвольностью выбора, используется известный аппарат лексических функций. Тот факт, что огромное количество коллокаций можно представить с помощью ограниченного набора лексических функций, свидетельствует о том, что степень нерегулярности коллокаций относительно невелика по сравнению с нерегулярностью идиом.

наличия дополнительных факторов идиоматичности и/или устойчивости. Так, в сочетании *беречь как зеницу ока* присутствует уникальный компонент *зеница*, что позволяет говорить о компонентной непрозрачности. В идиоме *покраснеть как маков цвет* уникальным оказывается словосочетание *маков цвет*, которое трудно представить себе вне рамок данного сравнения (ср. **В вазе на столе стоял маков цвет*). Непрозрачность выводимости имеется в идиоме *в долгу как в шелку*, поскольку с синхронной точки зрения *долг* и *шелк* не имеют ничего общего между собой¹⁴. Можно считать, что кроме непрозрачности выводимости в этой идиоме дополнительную роль играет осложнение формы – фактор устойчивости (см. выше). По сравнению с указанными идиомами, выражения типа *белый как снег*, *упрямый как осел*, *звонкий как колокольчик*, будучи устойчивыми, из-за эксплицитности сравнения оказываются настолько регулярными, что их отнесение к идиомам в рамках нашей теории вряд ли оправдано. В качестве дополнительного фактора нерегулярности для устойчивых сравнений может выступать и переинтерпретация, ср. *вертеться как белка в колесе*, где переинтерпретированным оказывается все выражение в целом, включая "левую часть" – глагол *вертеться* (см. близкие по духу рассуждения в [Жуков 1978: 86–87]). Разумеется, и при таком подходе выделяется ряд переходных случаев, для которых трудно принять окончательное решение об отнесении vs. неотнесении выражения к классу идиом.

6. ИДИОМЫ VS. ПАРЕМИИ

Выделенные параметры идиоматичности и устойчивости позволяют отделить идиомы от фразеологизмов других групп, но не отделяют идиомы от паремий, поскольку паремии всегда устойчивы, а во многих случаях и идиоматичны. Хотелось бы выявить свойства идиом, отличающие их от паремий, не сводя все различие к поверхностной структуре: предложение vs. словосочетание. Обычно к сфере идиоматики относятся только словосочетания и предикативные единицы типа *денег курь не клюют у кого-либо* (пропозициональные формы). Конструкции, аналогичные по форме и функции предложению, в традиционных описаниях исключались из состава идиом и попадали в сферу паремиологии. Однако область традиционно понимаемых паремий не однородна. С одной стороны, к паремиям относят предложения типа *не в свои сани не садись*, *на всякого мудреца довольно простоты*, *цыплят по осени считают* (пословицы), а с другой – выражения типа *вот тебе, бабушка, и Юрьев день!*, *лед тронулся!*, *жребий брошен!*, *мосты сожжены!* (некоторые из них традиционно описываются как поговорки). Последняя группа этих выражений существенно отличается от первой [Добровольский 1990]. Можно выделить следующие параметры, по которым пословицы (выражения первой группы) отличаются от выражений второй группы, которые мы относим к идиомам:

1) наличие кванторного значения всеобщности в плане содержания пословиц (это выражается на поверхностном уровне лексемами типа *всякий*, *каждый*, а также обобщенно-личной формой глагола в их составе);

2) наличие в иллокутивной семантике пословиц "рекомендательной силы" по Хэару [1985] и ее отсутствие в иллокутивной семантике идиом-высказываний;

3) большая дискурсивная зависимость идиом-высказываний по сравнению с пословицами.

Дискурсивная зависимость идиом-высказываний выражается в том, что они иллокутивно вынуждаются¹⁵ либо предыдущей репликой коммуниканта, либо какими-то не обязательно вербализованными аспектами ситуации.

Часто идиомы-высказывания имеют залоговый коррелят – глагольную идиому, ср.

¹⁴ Дополнительным фактором устойчивости для этой идиомы можно считать наличие второго предложного падежа.

¹⁵ О понятии иллокутивного вынуждения см. [Баранов, Крейдлин 1992].

жеребий брошен! – бросить жеребий, мосты сожжены! – сжечь мосты. Это еще один аргумент в пользу их включения в класс идиом, поскольку описание подобных пар как единиц, принадлежащих к разным классам вряд ли оправдано.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сформулированное здесь понимание феноменов идиоматичности и идиомы не избавляет исследователя от необходимости принятия самостоятельных решений в спорных случаях. Как мы показали, категория идиоматичности не просто градуальна, но и задается набором признаков разной природы, каждый из которых, в свою очередь, тоже градуален. Еще более сложным устройством отличается феномен идиомы: помимо идиоматичности, он предполагает еще и наличие устойчивости. Отсюда следует, что общее определение идиомы, отвечающее интуиции лингвиста, вряд ли будет операциональным. Операционализация возможна только относительно небольших гомогенных групп идиом, для которых набор признаков идиоматичности и устойчивости постоянен. В этой статье такой путь операционализации намечен для двух групп идиом. Используя предложенную идеологию анализа, можно определить порог идиоматичности и для других групп идиом.

Наука о языке всегда находилась между Сциллой и Харибдой: с одной стороны лингвистическая теория сталкивалась с недискретностью своего объекта изучения, а с другой – научный канон, связанный с чисто человеческими особенностями восприятия и интерпретации действительности, требовал от нее расчленения описываемых явлений на дискретные составляющие. В сфере фразеологии это отражалось либо в весьма общих утверждениях об образности и экспрессивности идиом, что делало невозможной любую операционализацию, либо в системе строгих оппозиций, приводящих к четкому выделению отдельных классов, не совпадающих, однако, с интуитивными представлениями об их границах. Представленный здесь подход можно рассматривать как попытку преодолеть эти противоречия. Каждый из выделенных признаков формулируется достаточно строго, что соответствует идее дискретности элементов метаязыка описания. Неопределенность же, соответствующая нечеткости границ класса идиом (его недискретности), выражается в открытости списка признаков, а также в невозможности задать набор необходимых и достаточных признаков нерегулярности для всего класса сущностей, интуитивно воспринимаемых как идиомы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. 1995 – Лексическая семантика. Изд-е 2-е, испр. и доп. М., 1995.
Балли Ш. 1955 – Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
Баранов А.Н., Добровольский Д.О. 1991 – К универсальному определению идиомы // Макет словарной статьи для автоматизированного толково-идеографического словаря русских фразеологизмов. Образцы словарных статей. М., 1991.
Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. 1992 – Языковое взаимодействие в диалоге и понятие иллюкутивного вынуждения // ВЯ. 1992 № 2.
Вендлер З. 1985 – Иллюкутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
Гак В.Г. 1972 – К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972.
Гак В.Г. 1977 – Сопоставительная лексикология. На материале французского и русского языков. М., 1977.
Диброва Е.И. 1979 – Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1979.
Добровольский Д.О. 1990 – Типология идиом // Фразеология в Машинном фонде русского языка. М., 1990.
Жуков В.П. 1978 – Семантика фразеологических оборотов. М., 1978.
Земская и др. 1983 – Языковая игра // Русская разговорная речь. М., 1983.
Мартише А. 1960 – Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.
Мельчук И.А. 1960 – О терминах "устойчивость" и "идиоматичность" // ВЯ. 1960. № 4.
Мельчук И.А. 1968 – Об одном классе фразеологических сочетаний (описание лексической сочетаемости с

- помощью семантических параметров) // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Тула, 1968.
- Хэар Р.М. 1985 – Описание и оценка. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
- Щерба Л.В. 1974 – О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Burger H. et al. 1982 – Handbuch der Phraseologie. Berlin: New York, 1982.
- Dobrovolskij D. 1995 – Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik. Studien zum Thesaurus deutscher Idiome. Tübingen, 1995.
- Fleischer W. 1982 – Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1982.
- Heller D. 1980 – Idiomatik // Lexikon der Germanistischen Linguistik. Tübingen, 1980.
- Makkaï A. 1978 – Idiomaticity as a language universal // Greenberg J.H. (ed.) Universals of human language. Stanford, 1978.
- Quine W. 1976 – The ways of paradox and other essays. Cambridge, 1976.
- Weinreich U. 1966 – Explorations in semantic theory // Sebeok Th. (ed.) Current trends in linguistics III. Theoretical foundations. The Hague; Paris, 1966.
- Weinreich U. 1969 – Problems in the analysis of idioms // Puhvel J. (ed.) Substance and structure of language. Berkeley; Los Angeles, 1969.
- Zipf G.K. 1949 – Human behavior and the principle of least effort. Cambridge (Mass.), 1949.